

ДМИТРИЙ АБРАМОВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

МИССИЯ РОССИИ

Дмитрий Абрамов

**Первая мировая
война. Миссия России**

«Алисторус»

2014

Абрамов Д. М.

Первая мировая война. Миссия России / Д. М. Абрамов —
«Алисторус», 2014

Настоящее произведение посвящено наиболее ярким, переломным и трагическим событиям первой четверти XX века в истории Европы, Азии и России, связанным с Первой мировой войной (1914-1918 гг.). Большинство персонажей произведения являются реальными, известными или малоизвестными историческими личностями – офицеры, солдаты, военачальники, поэты, общественные деятели, – жившие, любившие и воевавшие в те далекие трагические годы. Д. Абрамов реконструирует события, раскрывая «белые пятна» эпохи, изменившей историческую судьбу России и всего мира. В своей книге автор использовал широкий круг исторических источников и специальной литературы: материалы Государственного военно-исторического архива, картографические и топографические материалы, мемуары, редкие публикации, сведения из специальных изданий, дореволюционных газет и др. Главной целью, которую ставил перед собой автор, был показ исторической мессианской роли России.

© Абрамов Д. М., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Глава I. Последний прорыв и несбывшиеся надежды	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Абрамов

Миссия России. Первая мировая война

© Абрамов Д.М., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

*С огромной благодарностью и признательностью моим
консультантам и помощникам И. Б. Тихоновой и В. Ю. Коровайникову
— автор*

*Всем участникам Гражданской войны 1917-1922 гг. посвящается.
Да откроет им Истину Господь.
Да спасет и оправдает их всех: белых, зеленых и... красных.*

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.*
А. Блок

*Мною сделано это.
Библия. Вторая книга Паралипоменон. Глава XI, строфа 4*

Стремительный, взрывной и кровавой пришла в Европу весна 1916 года. Уже восемнадцать месяцев человечество несло на своих плечах бремя Первой мировой войны. От Красного и Средиземного до Балтийского моря оборонительными линиями: окопами, капонирами, пулеметными гнездами, блиндажами, ходами сообщения, воронками от снарядов были распаханы тысячи километров земли. Они пролегли через пустыни Синая и Палестины, степи и болота Месопотамии, Армянское нагорье, упираясь в берега Черного и Каспийского морей. От Эгейского моря почти до Адриатики исполосовали гористые Балканы. Проснулись разбуженные гулкой канонадой Восточные предгорья Альпийских гор. Врезаясь в заповедные Швейцарские Альпы, линии фронта до пролива Па-де-Кале искромсали цветущие города, села, храмы, поля и сады Западной Европы. От плодородных юго-восточных склонов Карпат до песчаных пляжей и дюн Рижского залива, островов Эзеля и Даго были изрыты фронтом просторы Восточной Европы. Ужас, неутешное горе, разруха и нищета пришли в дома людей, живших на линиях столкновений воюющих армий. Но не меньшее горе и неутешная разлука пришли и поселились в сотни тысяч семей, отправивших на войну своих кормильцев-отцов, сыновей, братьев, суженых и любимых.

И следом не только земля, но заливы, моря и океаны услышали тревожные сигналы боевых призывов, грохот тяжелых корабельных орудий и цепей, взрывы мин и торпед. Корабли и субмарины Германской, Австро-Венгерской, Османской, Британской, Российской империй, Франции, Италии бороздили Черное, Средиземное, Северное, Балтийское моря, Атлантику, Тихий и Индийский океаны. Они несли смерть друг другу, транспортам, судам гражданского

флота, прибрежным городам и селениям. Даже с небес, к которым с мольбой люди поднимали руки, вознося молитвы к Творцу и прося его о милости и спасении, даже с небес, прочерченных смертоносными полетами крылатых машин, на людей низвергалась гибель. Авиационные бомбы и пулеметные ливни с высот в сотни метров страшнее самого крупного и страшного града взрывали землю, уродовали дома, убивали, ранили, увечили людей, губили все живое.

За последние 4 месяца 1914 года с самого начала Первой мировой Россия успела провести пять крупнейших наступательных операций (Восточно-Прусскую, Галицийскую, Варшавско-Ивангородскую, Лодзинскую на Восточном фронте и Сарыкамышскую в Закавказье). Этим она спасла Францию и Сербию от разгрома немцами и австрийцами. Да, первое наступательное сражение с германскими армиями в Восточной Пруссии было плохо подготовленным, неудачным для России. Но 2-я русская армия генерала Самсонова легла костями среди Мазурских озер Восточной Пруссии и спасла Париж от прорыва германских войск на реке Марне. Столица Франции была спасена тогда первый раз в ходе войны. Западные союзники России: Франция, Великобритания и Бельгия – лишь отразили наступление германских войск на Париж, выиграв битву на реке Марне. После этих событий война на Западе приобрела затяжной (позиционный) характер.

Разгром русскими войсками в Закавказье под Сарыкамышем 3-й турецкой армии создал благоприятный для союзников стран Антанты военно-политический фон для боевых действий в зоне пролива Дарданеллы. Готовясь к кампании 1915 года, англо-французское командование обратилось в начале января к русскому верховному командованию с просьбой усилить свои войска и активизировать их действия на Восточном фронте, с тем чтобы максимально облегчить положение союзников на Западе. Русское командование согласилось на их просьбу, но с условием, что англичане и французы, в свою очередь, путем крупной морской или сухопутной демонстрации в районе Дарданелл отвлекут часть турецких сил с Кавказского фронта. Такое условие русских весьма устраивало союзников, особенно Англию, которая усматривала в этом возможность упредить Россию в ее вековом стремлении овладеть Константинополем и проливами. Одновременно Англия и Франция рассчитывали своими действиями в районе Дарданелл ускорить вступление в войну Италии на стороне Антанты. Английское и французское командование приступило к разработке плана настоящей, а не демонстративной операции. Узнав об истинных намерениях своих партнеров по войне, русское правительство забило тревогу. Оно стало настойчиво добиваться от Англии и Франции решения вопроса о будущей судьбе Константинополя и проливов. Но англичане и французы всячески затягивали переговоры по этому вопросу. И только уже в ходе операции, когда их попытки овладеть Дарданеллами провалились, они были вынуждены согласиться на присоединение к России Константинополя с прилегающими к нему берегами проливов. Но и с их стороны было выдвинуто условие, что Россия будет до конца сражаться на стороне Англии и Франции, если последние также осуществят свои захватнические планы в Азиатской Турции и в других областях. Соглашение было подтверждено рядом документов, оформленных в марте – начале апреля 1915 года.

Англия и Франция отвели для проведения операции крупные силы флота: 11 линейных кораблей (один из них новейший – «Куин Элизабет»), 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 7 подводных лодок, 1 авиатранспорт с 6 гидросамолетами, 21 тральщик, 1 канонерскую лодку и большое число вспомогательных судов. Германское и турецкое командование только в середине февраля узнало о готовящейся операции. Началось спешное сосредоточение частей и соединений 1-й и 2-й турецких армий (около 200 тыс. штыков) в зоне проливов и приведение в боевую готовность береговых укреплений и артиллерии. Перед началом операции английские и французские корабли имели на своем вооружении 230 орудий калибром от 102 до 381 мм (в их числе 8 орудий самого крупного калибра 381 мм); турецкая береговая артиллерия – около 200 орудий калибром от 120 до 355 мм (в их числе 6 орудий 355 мм). До начала операции турки выставили южнее пролива минное заграждение (334

мины), состоявшее из 9 линий. Сражение началось утром 19 февраля с обстрела семью английскими и французскими линейными кораблями турецких внешних фортов на Галлиполийском полуострове. Корабли Антанты двинулись в пролив. Но союзников ожидали неудачи, несмотря на перевес в огневых средствах. Турецкая береговая артиллерия отчаянно и безуспешно отстреливалась и наносила сильные повреждения кораблям англичан и французов. Некоторые из них подорвались на минах. Уже более четырех с половиной веков подряд самые восточные берега Европы и самые западные берега Азии не оглашались громом столь мощной артиллерийской канонады. Дымы, гарь, зарево пожаров и разрывов вспыхивали и плыли над лазурными водами древнего Геллеспонта. Сражение за проливы растянулось не на дни и недели, а на месяцы. Однако, несмотря на первые неудачи, англичане и французы решили продолжать Дарданелльскую операцию. Они запланировали высадку сухопутных войск на полуострове Галлиполи с целью захватить турецкие форты с тыла и облегчить прорыв флота через Дарданеллы в Мраморное море. В десант назначались 1 английская и 1 французская дивизии, австралийско-новозеландский корпус, три бригады английской морской пехоты и греческий добровольческий легион (всего 81 тыс. штыков). Этим войскам придавались 178 орудий разных калибров. Общее командование этим десантом было возложено на британского генерала Гамильтона. Утром 25 апреля десантные суда и корабли поддержки подошли к турецким берегам у пролива и начали мощную артподготовку. Затем на берег был высажен десант. Турки отчаянно оборонялись. Но англичане и французы все же сумели закрепиться на азиатском и европейском берегах пролива, потеряв за два дня около 18 тыс. человек. Напряженные бои десантных войск с турецкими силами продолжались до конца мая. Несмотря на огневое содействие крупных сил флота, союзники не смогли сломить сопротивление противника и добиться ощутимых результатов. За это время они понесли большие потери в войсках, потеряли несколько кораблей. 13 мая турецкий эсминец потопил английский линкор «Голайет», а 25-27 мая германская подводная лодка «U-21», пришедшая из австрийского порта Котор, пустила ко дну еще два линейных корабля – «Трайемф» и «Маджестик». После этих потерь англичане отправили свой новейший линкор «Куин Элизабет» в Северное море и увеличили число кораблей противолодочной обороны. Крупные корабли ушли на рейд острова Мудрос, оставив десантные войска без поддержки флота. Правда, отдельные британские корабли и подводные лодки еще прорывались через пролив в Мраморное море и топили турецкие транспорты и корабли. В августе англичане вновь предприняли наступление на полуострове и высадили туда дополнительные десанты. Но 5-я турецкая армия контратаками остановила наступление британских войск. Борьба за полуостров продолжалась до декабря. Но уже в начале ноября союзное командование приняло решение эвакуировать свои войска. Эвакуация закончилась 9 января 1916 года. Дарданелльская операция потерпела полную неудачу. Младотурецкое правительство Османской империи ликовало. Энвер-паша (министр обороны) выказывал свое почтение и уважение германскому генералу фон Сандерсу, командовавшему турецкими войсками в той операции. Однако та и другая стороны понесли громадные потери. Союзники по Антанте потеряли более 146 тыс. человек. Потери турецкой армии по официальным данным составили 101 тыс. только убитыми. Общие потери превысили четверть миллиона из 300-тысячной армейской группы в зоне Проливов. Это была одна из самых кровопролитных боевых операций в новой истории Османской империи. И хотя значение ее невелико для истории Первой мировой войны, но она заняла важное место в национальной истории турецкого народа. В те месяцы на берегах пролива формировался костяк будущей национальной армии республиканской Турции. В боях под местечком Анафарты стойко отражал атаки британцев XVI армейский корпус под командованием полковника Мустафы Кемаль-бея, кому грядущее уготовило особое место в истории Турции.

Мало кому и сейчас известно, что армянские части в составе турецких войск показали высокие боевые качества в сражениях на Галлиполийском полуострове при разгроме Дарда-

нельского десанта англичан и французов. Дрались армяне, призванные в турецкую армию, против Антанты и в Месопотамии. Они выполняли решение соей национальной партии Дашнакцутюн, гласившее: «Каждый армянин обязан выполнять свой долг османского подданного; следовательно, мы имеем право на то, чтобы турецкое правительство признало наше прямодушие и искренность. Мы готовы защитить целостность Османской империи и нашу родину». Руководство Дашнакцутюн уведомило в начале войны лично Талаат-пашу, как министра внутренних дел и члена триумvirата (руководства младотурецкой правящей партии) об изложенной выше позиции партии и заверило Талаат-пашу в своей лояльности к властям. Речь шла, однако, об армянах в Западной Армении (Анатолии), находившихся под турецкой властью. Население Восточной части Армении оставалось законопослушными подданными Российской империи. Но восточные армяне, вполне естественно, питали надежды на полное единение всех армян под скипетром российского императора и освобождение от османского владычества своих братьев Анатолии.

Но уже через два дня после начала высадки галлиполийского десанта, т. е. 15 апреля, Энвер-паша (военный министр) и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии секретный приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало «покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название “Армения” в Османской империи». Мирное христианское население насильно сорвали со своих мест и погнали умирать в пустыню. Гибель целого народа в западной Армении не изменила ни военного, ни политического хода событий. Однако дьявольский план руководителей этой акции, по которому местное мусульманское население от Трапезунда до Мосула было обязано помогать властям следить за пешими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин-армян отделили и депортировали, либо ликвидировали), все же осуществился. В тех местах, по которым прошли и погибли эти полтора миллиона несчастных, пожалуй, не было турецкой или курдской семьи, где не появилось бы колечко, или платок, или другая вещь обреченных на голодную смерть людей, а то и рабыня или раб-ребенок из числа депортируемых армян. Эти события известны в мировой истории как геноцид армян. Политическое руководство Османской империи сделало сообщниками преступления своих подданных, не пожелавших добровольно подняться на джихад. Теперь появление войск любого члена Антанты в Восточной Анатолии от Эрзрума до Киликии должно было рассматриваться мирным населением как месть со стороны христиан всем мусульманам.

Тем временем уже весной 1915 года Германия и Австро-Венгрия обрушили мощь всех своих армий на Россию, стремясь вывести ее из войны. Россия утратила свой военный потенциал уже в 1914 году. Восточный фронт был взломан германскими и австрийскими войсками на протяжении от Галиции до Балтийского моря. Бесперывные артобстрелы, газовые атаки привели русскую армию к страшным потерям. В ходе оборонительных боев и широкомасштабного отступления потери русской армии составили 850 тысяч убитых и раненых, 900 тысяч пленных. В течение весны, лета, осени русские войска отходили по всему фронту и оставили Польшу, Литву, Западную Латвию, Западную Украину и Белоруссию. Но главная задача, поставленная германским командованием, так и не была выполнена: Россия не была разгромлена и не вышла из войны. На Западном фронте союзники не предприняли ни одной серьезной наступательной операции, чтобы спасти положение России. Только Италия вступила в войну на стороне Антанты в конце мая 1915 года. Наступление итальянских войск не было особенно удачным, и уже в июле война на Итальянском фронте приобрела позиционный характер. И это была практически единственная помощь русским войскам: австрийцы перебросили с Восточного фронта на итальянский 10-12 дивизий. Относительный успех Тройственного союза (Германской, Австро-Венгерской, Османской империй) весной-летом 1915 года подтолкнул Болгарию присоединиться к нему. Так сложился Четверной союз. Совместно с австрийцами болгары

разгромили сербскую армию, которая отступила к Адриатическому морю и была с побережья эвакуирована англичанами на Ионические острова. Сербия была оккупирована австро-венгерскими и болгарскими войсками. Утешением для Антанты было лишь то, что две французские дивизии, высадившиеся в греческом городе Салоники, ударили во фланг болгарской армии. Болгары не смогли выбить их с полуострова. Так образовался Салоникский фронт.

Весной 1916 года английские войска готовились прорвать оборону турок на Синае, развернуть наступление от Суэцкого канала через Синайскую пустыню с целью выхода в Палестину. Еще восточнее 1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус русской армии под командованием генерала Баратова (9850 штыков и 7860 сабель) вступил в Месопотамию и занял Ханекин (150 км северо-восточнее Багдада). Баратов стремился помочь английскому отряду, блокированному турецкой армией в Кут-эль-Амара. Однако помощь русских британцам запоздала, так как английский военачальник Таунсенд сдался туркам в плен с 12 тыс. своих солдат и офицеров. Русскому кавалерийскому корпусу пришлось прекратить дальнейшее продвижение вследствие недостатка сил, так как приходилось действовать на фронте до 650 км, ведя борьбу с местными партизанами-курдами. Тропическое лето, жара, безводье, холера и малярия изнуряли войска генерала Баратова. В Армении, завоеванной османами, русские войска еще в январе-феврале 1916 года провели успешную боевую операцию и взяли крепость Эрзерум. Русская Кавказская армия в Армении весной насчитывала более 207 тыс. штыков и 23 тыс. сабель, 470 орудий, 657 пулеметов. Но турки стянули туда еще большие силы (около 250 тыс. штыков и 45 тыс. сабель) и в конце мая перешли в контрнаступление.

Страшное творилось и в Западной Европе. Германские войска, не сумевшие полгода назад разгромить и вывести из войны Россию, в феврале 1916 года обрушили всю мощь своего ударного кулака на французские позиции у города-крепости Верден. Французы смогли выставить для защиты Вердена 11 дивизий и 632 орудия. Немцы же ударили по французам из 1500 орудийных и минометных стволов. Ведение операции возлагалось на 5-ю германскую армию под командованием кронпринца Вильгельма. Армия усиливалась свежими корпусами и артиллерией резерва. Артподготовка германских войск началась 21 февраля в 8 часов утра. Огонь невиданной силы по отдельным целям, участкам окопов, траншей и укрытий первой и второй линий французской обороны чередовался с обстрелом командных пунктов, батарей, фортов города, селений, перекрестков дорог, госпиталей, гражданских зданий Вердена, расположенных в глубине французской обороны. От этого огня гибли и страдали мирные люди: раненые, дети, женщины, старики, врачи. Для разрушения траншей и окопов немцы использовали в основном минометы. Батареи французов поражались главным образом химическими снарядами, а командные пункты, форты и другие укрепления – огнем сверхтяжелых орудий – 210-мм мортир и 420-мм гаубиц. Железнодорожные станции и госпитали громили и обстреливали сверху десятки аэропланов. За час до атаки огонь германских орудий был перенесен на первую линию обороны и доведен до максимального напряжения. Позднее командующий французскими войсками Петэн писал: «Немцы пытались создать такую “зону смерти”, в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнели и ядовитых газов развернулись над нашими лесами, оврагами, траншеями, убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов». Затем десятки тысяч германских солдат были брошены в атаку на французские позиции. Но французы выдержали удар.

Так началась одна из самых кровавых битв Первой мировой, известная под названием «верденской мясорубки». Битва полыхала почти до конца лета. Французское командование, стремясь отвлечь дивизии немцев от Вердена, в начале июля предприняло наступательную операцию на реке Сомме и добилось там небольшого успеха. Для прорыва германских позиций французы и англичане впервые тогда применили танки. Но еще ранее – весной англо-французское командование обратилось к командованию русской армии с просьбой предпринять

наступление на Восточном фронте, чтобы ослабить силы германских войск под Верденом и на Сомме. Россия не отказала в помощи. По планам командования русские войска должны были нанести удар по австро-германским позициям на широком фронте от реки Припяти и города Пинска до реки Днестра и города Черновицы. Руководство операцией вручалось генералу А. А. Брусилову. Начало русского наступления намечалось на конец мая – начало лета.

В то время, когда русская армия готовилась к наступательным операциям, на итальянском фронте превосходящие силы австрийцев 2 мая атаковали в районе Трентино войска 1-й итальянской армии. Понеся крупные потери, итальянцы стали отступать. Это сильно встревожило руководящие военные круги Италии. Они обратились в главную квартиру французской армии с просьбой повлиять на русское командование, чтобы заставить его ускорить наступление на юго-западе Восточного фронта и тем облегчить положение дел в Италии. Вскоре итальянское командование непосредственно само обратилось в русскую Ставку с настойчивой просьбой о помощи. Так, 10 мая 1916 года военный атташе генерал Порро просил находящегося в Риме русского полковника Энкеля, чтобы тот доложил от имени главнокомандующего итальянской армией Кадорны командующему Алексееву «усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии».

Глава I. Последний прорыв и несбывшиеся надежды

Утренние солнечные лучи ярко били и освещали левую сторону плацкартного вагона в составе длинного воинского эшелона, двигавшегося на запад. Паровоз, тянувший эшелон, был всего на один вагон впереди, и все пассажиры хорошо слышали тревожные паровозные гудки, лязг и стук паровозных поршней и тяг. Здесь не было женщин, и потому пьяный вагон бредил громкими разговорами о положении на фронтах, пересудами, негромкой матерщиной. Молодой унтер-офицер сидел у правого окна вагона за столом и пил чай. Ему шел двадцать первый год, он был полон жизненных сил, и в его голубых глазах светились, интеллект, надежда и интерес к жизни. Отпивая горячий чай небольшими глотками, он внимательно слушал разговоры бывалых солдат, теперь унтер-офицеров, прошедших краткосрочное обучение в Москве и вновь направляющихся на фронт. Молодой человек оживленно участвовал в разговоре, задавал вопросы, но не пил спиртного, чем удивлял кампанию, восседавшую в плацкартном купе.

– В самом деле, выпейте с нами, Космин. Почему вы не пьете водки? Вы же не девица, а молодой человек. Да и к тому же на вас военный мундир, – уговаривал его тридцатилетний усатый служака с красным лицом.

– Увольте, господа. Я в жизни-то не пил. Да и к чему оно. Повода-то нет. Давайте лучше я вам стихи почитаю. У меня тут с собой прекрасный «Чтец-декламатор». Опубликованы все новые поэты России. Слышали вы что-нибудь о Гумилеве, о Надсоне, об Андрее Белом, о Блоке?

– Господи, невидаль какая! К чему вам это, господин хороший? Через неделю вы забудете об этих виршах и станете искать, где бы помыться, поесть и выпить. А еще через неделю начнете выпаривать вшей над костром из вашей пока еще новенькой и не застиранной гимнастерки, – мрачно и цинично высказался другой унтер лет двадцати пяти с тонкими светлыми усиками над верхней губой.

Сверкнув злыми серыми глазами, он затянулся папиросой, приложил к губам и опрокинул в рот полстакана водки. А молодой человек, пивший чай, ничего не отвечая, слегка прокашлялся, скрипнул новыми ремнями, положил ногу на ногу и деликатно надел пенсне.

– Космин, а сами-то вы кого из перечисленных стихоплетов почитаете? – спросил третий унтер – шатен, которому седина высветила виски и лихой чуб.

– Я, господа, предпочитаю стихи Надсона. Очень глубокий поэт и христианин, – отвечал молодой человек.

– Позвольте, но он, судя по фамилии, англичанин, – вставил унтер с красным лицом, – как же вы читаете его, по-аглицки?

– Нет, господа, он русский еврей, принявший Христа.

– Еврей? Знаем мы эти дела... – зло вымолвил унтер со светлыми усами в нитку.

– Откуда у вас столько лирики, ведь вы же, кажется, реалист? – спросил шатен с сединой.

– Да, в прошлом году окончил реальное училище в Москве, но это совсем не мешает мне любить поэзию.

– Однако после столь солидного образования вас, как вольноопределяющегося, могли бы направить в артиллерийскую или пулеметную унтер-офицерскую школу, – заметил унтер с красным лицом.

– Вы знаете, я только окончил училище, как меня вызвали в присутствие губернского воинского начальника и, посмотрев мой аттестат, тут же предложили учиться на мою нынешнюю воинскую специальность, – отвечал Космин, поблескивая стеклами пенсне.

– Как вы изволите выражаться, называется это – кратко... тьфу, черт, язык сломаешь, кравто... кварто... Слово-то немецкое...

– Картография и геодезия. Дело в том, что я неплохо чертил и рисовал в училище, словом, имел отличные оценки по этим дисциплинам. А вообще-то я мечтал о кавалерии, – отвечал молодой человек.

– Не смешите, сударь, кавалерия, как показывает эта война, дело старое, отжившее свой век. «На этой войне только пушки в цене», – цинично вставил унтер с тонкими усиками.

Паровоз стал довольно резко тормозить, качнуло людей, штоф водки, стаканы на столе.

– Извозчик то весьма нетрезв! – пошутил кто-то.

Захохотало полвагона. Космин не смеялся.

– Господа, унтер-офицеры! Прошу внимания! Скоро Тарнополь – конечная станция. Всем необходимо собрать личные вещи и проверить документы. Построение сразу при выходе из вагона на перроне! – вдруг громко, перебив все разговоры, прогремел голос штабс-капитана – старшего по вагону.

Все начали нехотя вставать с мест и собирать нехитрый солдатский скарб.

* * *

7-я кавалерийская дивизия, в которую был направлен унтер-офицер Космин Кирилл Леонидович, стояла в резерве 11-й армии под Тарнополем. Вечером 20 мая молодой человек предстал перед командиром 1-й конно-артиллерийской батареи дивизии капитаном Горстом.

– Так, так, господин унтер-офицер, – просматривая документы и поглядывая на вновь прибывшего синими внимательными глазами опытного служжаки, повторял капитан. – Значит, об артиллерии вы имеете довольно слабое представление. Ничего не знаете ни о наводке орудий, ни о материальной части. Картография, ну-ну!

– Так точно, ваше благородие, господин капитан! – спокойно отвечал Кирилл.

– Сразу дам маленький урок, чтобы вам не выглядеть совсем неучем в нашем артиллерийском деле. Запоминайте. Вы поступили на службу в 1-ю батарею дивизиона конной артиллерии 7-й кавалерийской дивизии. На вооружении нашей батареи четыре полевых пушки образца 1902 года и две скорострельных пушки образца 1910 года. Калибр полевой пушки 76,2 миллиметра, вес снаряда 6 с половиной килограмма, дальность стрельбы гранатой 8 с половиной верст. Это самое лучшее орудие русской армии. Но об этом позже. Скорострельные пушки; калибр 107 миллиметра, вес снаряда 16,4 килограмма, дальность стрельбы гранатой от 10 до 12 с половиной верст. Все зависит от наводчика. Но из этих орудий мы бьем редко, да и снарядов к ним мало...

Горст вновь внимательно смерил взглядом молодого унтера, увидел, что тот достал из-за отворота шинели небольшую тетрадь, развернул ее, стал тонко отточенным карандашом делать пометки. Это понравилось капитану. Он обратил внимание, на то, что на унтере пенсне и хромовые офицерские сапоги, хотя и серая солдатская шинель. Отметил, что тот чисто выбрит, не носит усов (не франт) и совершенно трезв (во всяком случае, без запаха перегара, характерного для русских унтеров). Про себя же подумал: «Отвечает спокойно, не ест глазами начальство, не выслуживается. Выправка отменная. Не поспешил на офицерские сапоги, значит, метит выше и в унтерах сидеть не собирается. На лбу написано хорошее образование, да и внешнего благородства не отнять... Посмотрим еще его в деле...»

– Кирилл Леонидович, видно, что вы человек образованный. Да и, судя по всему, дворянского происхождения?

– Так точно! Потомственный, столбовой, Тамбовской губернии...

– Потому, господин унтер-офицер, при обращении ко мне достаточно говорить только «господин капитан», не более.

– Благодарю, господин капитан.

– Ну что ж, вы прибыли вовремя. На днях, судя по слухам из штаба дивизии, нас выводят из резерва на передовую. Там и определимся с вами. Поступаете под мое личное начало. Люди нам нужны, особенно образованные, дельные и... не лишенные твердости и самообладания. Сейчас идите на батарею, получите штатное оружие – винтовку и палаш, знакомьтесь с вашими сослуживцами, располагайтесь в соседней хате справа. Да, найдите прапорщика Власьева и встаньте на довольствие.

– Будет исполнено, господин капитан! – промолвил Кирилл, приложил руку к фуражке, круто развернулся через левое плечо, щелкнул каблуками и вышел из светлицы хаты, где квартировал командир батареи.

Через два дня 7-я кавалерийская дивизия была выведена из резерва и отправлена на линию фронта. А 1-я конно-артиллерийская батарея придавалась 7-му гусарскому Белорусскому полку. В тот день 22 мая на рассвете загрохотало по всему многокилометровому фронту от верховьев реки Припяти до верховьев рек Днестра и Прута. Началось весенне-летнее наступление русских войск на австро-германском фронте. Многие еще не знали, а только догадывались, что это новая наступательная операция и сражение.

* * *

Прошло три дня. 7-й гусарский Белорусский полк занимал позиции близ малороссийской деревни Колодия. Гул артиллерийской канонады, словно дальние вешние громы, уже третий день раздавался где-то справа – северо-западнее. Далекие сполохи огня, выстрелов и взрывов ночами расцвечивали небо. Но близ Колодии все было тихо. На рассвете 25 мая командир батареи вызвал к себе молодого унтера. Тот быстро оделся и прибыл к капитану. По заспанному лицу молодого человека было ясно, что тот еще не догадывается, какое поручение его ожидает.

– Господин унтер-офицер, вам надлежит в ближайшие четверть часа прибыть в штаб полка и поступить в подчинение поручика Новикова и корнета Пазухина. Означенным поручику и корнету приказано нынче провести тщательную разведку позиций противника. Потрудитесь взять с собой карандаши. Вот вам офицерский планшет, полевая карта-двухверстка, полевая офицерская книжка. Возьмите и мой бинокль. Берегите его, другого нет. Все, что будет добыто и представлено разведчиками полка, вам надлежит копировать и довести до меня. Палаш можете оставить, там он вам не потребуется. А вот винтовку возьмите. Скажу по секрету, готовится серьезное дело. Большое наступление.

– Будет исполнено, господин капитан.

– Как только возвратитесь на позиции полка, немедленно ко мне на доклад. Будьте осторожны, господин унтер-офицер. Шальные пули и снаряды вас не помилуют. Австрийцы их не жалеют. Не высовывайтесь лишний раз, но и не теряйте чувства самообладания. Бог в помощь, ступайте.

Гусары засели на высотке у опушки леса. Кирилл, сидя привалившись к стволу сосны, острой палочкой оттирал свою измазанную шинель и очищал отягощенные ошметками болотной грязи хромовые сапоги.

– Эх, закурить бы, – вымолвил корнет Алексей Пазухин, молодой человек, ровесник Космина.

Корнет носил довольно короткую прическу, но большой пшеничный казачий чуб и небольшая, заломленная на правый бок фуражка выдавали в нем лихого кавалериста. Аккуратно подстриженные светлые усы над ровными и правильными губами, смелые синие глаза, немного курносый нос свидетельствовали о задорном и дерзком характере.

– Ты не куряшь, Кирилл?

– Нет, знаешь, и не хочется.

Они уже были на «ты». Молодым людям свойственно быстро находить общие темы для разговора и знакомиться. Пазухин понимал, что Космин хоть и унтер, но ровня ему.

– А я все ж закурю, – вымолвил корнет и полез за отворот шинели за портсигаром.

«Сшьюю, сшьюю, сшьюю...» – пропели выше пули, срывая кору с деревьев и сшибая ветки.

– А ну залегли, сучьи дети! – скомандовал, словно прошипел, корнет, обращаясь к двум рядовым гусарам, привставшим на ноги, чтобы отойти за дерево.

– Что, никогда лежа нужду не справляли? Эй, Калиник, лезь сюда, – позвал он старшего унтер-офицера.

Тот приполз по-пластунски.

– Еще раз объясни гусарам, что мы в секрете. Наше дело – дозор. Не дай Бог кто стрельнет. Противник определит наше местоположение и накроет орудийным огнем. И нам, и всему делу кирдык. Понял?

– Так точно, господин корнет.

– Ползи отсель, доведи гусарам...

До вечера разведчики полка пролежали на опушке леса в дозоре. Пазухин и Космин в бинокль долго рассматривали высоты, занятые противником, совещались.

– Хорошо окопались. Дорога перекрыта. Линия окопов идет по всей бровке вон тех высот. Целая траншея, с блиндажами, пулеметными гнездами. И для орудий окопы отрыли – капо-ниры. Видишь, Кирилл? – негромко отмечал корнет.

– Да. А что перед ними, на спуске?

«Шшпп! Шшпп!» – австрийские пули взрыли землю недалеко от корнета, и молодых людей осыпало комочками дерна.

Те мгновенно припали к земле лицами и укрыли головы руками.

– Метко бьют, суки! Верно, из пулемета... – сглотнув комок в горле, высохшими вмиг губами прошептал корнет.

У Кирилла засосало под ложечкой, но он сцепил зубы, поднял голову, поправил съехавшую фуражку.

– У австрийков на вооружении станковый пулемет Шварцлозе, образца 1895 года, калибр 8 миллиметров, предельная дальность огня до трех верст. Если бы он ударил даже за две версты отсель и достал, то от нас только пух да перья... Но, думаю, они нас не видят, так, резанули для острастки. Шальная очередь... – добавил Пазухин.

– Так что там перед траншеей на спуске, Алексей? – вновь по-деловому спросил Кирилл.

– Молодец, хороший вопрос. Думаю, это их секреты и стрелки по шесть-семь человек в окопчиках перед основной линией обороны.

Время бежало незаметно. Молодые люди даже не поняли, что не ели целый день и что они голодны. Лишь к пяти часам вечера корнет заметил:

– Съесть бы чего, поет в желудке.

– Меня командир батареи спешно к вам утром отправил, я и подумать не успел, чтобы взять с собой чего-нибудь, – словно извиняясь, произнес Кирилл.

– А нам обещали притащить, да, верно, как всегда, забыли, сволочи. Не дрейфь, унтер. Выпьем? – с улыбочкой произнес корнет, хлопнув по фляге у себя на ремне.

– Что у тебя там?

– Что может быть лучше водки, или доброй хохляцкой «горилки»? Держи, Кирилл, – сказал он, сняв с ремня и протянув ему полную фляжку спиртного.

Космин принял, свинтил крышку, заправски опрокинув флягу (будто делал это не раз), влил к себе в рот три глотка огненной, обжигающей жидкости. Проглотил с трудом. Про себя отметил: «Горилка!!! Пропади она пропадом...»

– Молодец, – негромко молвил корнет, и, приняв флягу у унтера, тряхнув русым чубом, торчавшим из-под фуражки, крикнул и опрокинул спиртное в горло.

На душе у обоих быстро полегчало, и даже австрийские пули стали казаться яблоками, падающими с дерева в конце лета. Молодость брала свое, и они начали травить анекдоты. Потом заговорили о женщинах. После пяти вечера корнет развернул карту, достал офицерскую полевую книжку из внутреннего кармана шинели, подложил планшет и стал писать:

**«Ком-ру полка пол. Серебренникову. От корнета
Пазухина 2-го. 25 мая 1916 г. 17 час. 40 мин. Дер. Колодия.»**

2-я партия под командой ст. унтер-офицера 3 эскадрона 2 взвода Калиника прошла на высоту 75, 6 что на болоте у дер. Костюхновка, и оттуда на опушку леса у высоты 91, 6. Окопы противника идут по хребту от высоты 91, 6 вдоль дороги Костюхновка-Медвежье. Вперед вынесены небольшие окопы, они заняты партиями по 6-7 человек. Противник ведет редкую стрельбу из винтовок и пулеметов».

Космин тем временем рисовал позиции австрийцев на карте капитана Горста. Делал пометки на разлинованном листе офицерской книжки.

– Эй, Калиник, отправь это донесение в штаб полка с надежным человеком, да чтоб обратно вернулся и доложил мне об исполнении, – вскоре негромко произнес Пазухин.

– Сей момент, господин корнет!

– Тише, унтер, австрияков разбудишь! Ты в дозоре, а не в казарме...

Постепенно сгустились весенние вечерние сумерки. Молодые люди еще пару раз усугубили горилкой и заметно сократили содержимое фляги. Затем пришла ночь, похолодало. Хотелось спать, но никто не спал. Под покровом ночи из полка гусары все же притащили какую-то снедь, и корнет с унтером закусили свежим хлебом и салом. Вслед за едой прибыл, точнее, приполз и поручик Новиков. В темноте Космин попытался встать и представиться поручику, как положено.

– Отставить, не вставать! – прошипел тот.

– Господин поручик, ведем наблюдение, уточняем данные, помечаем позиции противника, – негромко с налетом показной деловитости доложил корнет.

– Это ты, что ли, Пазухин? Опять набрался, сукин сын!

– Точно так, гаспаин поручик!

– А кто тут пьет с тобой? – спросил Новиков, вглядываясь в унтера.

– Имею честь представиться. Унтер-офицер Космин, – пытаюсь казаться трезвым, отрапортовал Кирилл.

– Не знаю такого у нас в полку. Пополнение? – спросил поручик.

– Валентин Николаевич, что за допрос с пристрастием? Сей господин прибыл от 1-й батареи – от Горста. Прошу любить и жаловать. Кирилл Леонидович Космин, вольноопределяющийся, молодчага, джентел мен... – ставя все на свои места, разъяснил Пазухин.

– А, понятно! Вы, господин Космин, верно, и образование хорошее получили? Уж не университетское ль? – поинтересовался поручик.

– Нет. Реальное училище в Москве, а потом школа унтер-офицеров, ускоренный выпуск, – отвечал Кирилл, пытаясь подняться.

– Да, и того уже довольно. Сидите, сидите. Пазухин, дай-ка мне глоток, – продолжил поручик.

Кирилл услышал, как «глоток» четырехкратно повторился, а высосанная фляга издала тоскливый звук пустоты.

– Хороший напиток, – произнес Новиков, слизывая языком последние капли с горлышка, затем посмотрел на Пазухина и добавил: – А я уж подумал, что ты, корнет, начал водку вместе с солдатней кушать...

– В разведке всяко бывает, Валентин Николаевич, – отвечал Пазухин.

– Ну, уж не скажи, – молвил поручик.

Ночью разведчики почти не спали. К рассвету поменяли позицию. Продвигались где ползком, где перебежали, согнувшись пополам, неся карабины в руках. Так, по подсчетам Кирилла, прошли версты три куда-то на юго-восток. Обосновались на высотке, поросшей густой лещиной. Пришло холодное весеннее утро. Занимался рассвет. Западнее перед разведчиками лежала украинская деревня с названием Костюхновка. В рассветных сумерках неярко светились беленые стены и соломенные кровли. Ни огонька. Попахивало печным дымком и испеченным хлебом. Теперь уже втроем поручик, корнет и унтер рассматривали деревню в два бинокля.

– Ничего не пойму, есть там австрияки или нет? – тихо произнес Пазухин.

– Пока не видно. Рассветет, увидим, – также тихо молвил Космин.

– Э, нет, господа. Как рассветет, будет поздно. Надо сейчас, – негромко произнес поручик, отнимая бинокль от глаз. Затем развернулся, махнул рукой, прошипел:

– Эй, гусары, слушай мою команду. Загнать патрон в патронник. Перебежками, за мной, до ближайшей деревни, марш!

Щелкнули затворы карабинов, Новиков взвел курок револьвера, поднялся и быстро побежал. Космин оттянул и отпустил затвор винтовки, тоже поднялся и ринулся за поручиком. Пазухин был уже впереди. Они пробежали шагов тридцать – тридцать пять, как вдруг...

«Бб-аххх! Бб-аххх! Сш-уу... УУ-хх!»

Фонтан огня и земли перед глазами. Комья и осколки металла разлетелись в разные стороны и осыпали гусар.

– Стой, назад! – проорал Новиков.

Гусары резко развернулись и пустились наутек к роще на холме.

– Господин, поручик, Юхненко и Скобарь упали! – кричал в спину Калиник.

– Убиты? Ранены? О, черт! Поднять их, быстро! Космин машинально развернулся и бросился назад к одному из упавших гусар. Он и какой-то рядовой подняли молодого парня с окровавленной головой, забросили его руки к себе на плечи. Кирилл успел поднять его окровавленную фуражку. Гусар-напарник схватил за ремень выпавший из его рук карабин. Потасили. Через полминуты подбежал Пазухин, помог нести раненого. До высоты добежали так быстро, что австрийцы не успели перезарядить и выпустить еще по одному снаряду. На высотке дышали как загнанные псы. Постепенно перевели дух, перебрались на противоположный склон в густую лещину. Совсем рядом вновь грохнули австрийские орудия, и рощу осыпало.

– Залечь всем и не высовываться! – прокричал Пазухин.

– С огненным крещением вас, господин унтер-офицер. Не задело? – участливо спросил поручик.

– Цел.

– Молодчага! – весело произнес корнет и добавил: – Эх, жаль, горилка вся.

– Хвали Бога, что не задело. У них тут целая батарея, не менее шести орудий. И так жарко, а ему горилки подавай, – урезонил Новиков.

Взошло солнце. Поручик попытался вывести из-под огня часть людей, а заодно и проверить, насколько хорошо противник просматривает местность. Приказал троим гусарам по одному оставить рощу и перебежками пробраться на позиции полка. Но австрийцы, похоже, этого ждали и клали по открытой местности снаряд за снарядом. Шрапнели рвались над рощей и окрест нее одна за другой, осыпая разведчиков осколками. Гусары вернулись, затаились.

– Бьют, суки, даже по отдельным людям, – отметил корнет, сверкнув злыми синими глазами.

– Они, как видишь, в отличие от нас, снарядов не жалеют, – словно для Космина добавил поручик, вытирая высокий вспотевший лоб и внутреннюю часть околыша фуражки.

Днем умер один из двух раненых гусар. О том доложил Калиник. Космин с Пазухиным подползли, посмотрели. Перед ними лежал в серой пропитанной кровью шинели мужчина средних лет. Осколок прошел ему грудную клетку. Ни боли, ни сожаления на челе. Строгие черты лица. Русые усы. В неживых голубых очах – синеющее майское небо. Ангел-хранитель уже отлетел, и душа оставила брренное тело. Калиник перстами правой руки закрыл глаза убитому и сотворил крестное знамение. Покойником оказался не тот, кого тащил Космин, и потому на душе у Кирилла стало как-то легче. Сняли фуражки. Перекрестился и Кирилл.

– Ты веришь в Бога? – с удивлением спросил корнет, посмотрев на унтера.

– Верую.

Днем поручик Новиков развернул карту и на листе из полевой офицерской книжки настрочил донесение в штаб полка:

**«Полковнику Серебренникову. 1916 г., 26 мая,
14 час. 45 мин. № 2. Карта 2 вер. в дюйме.**

На позиции никаких перемен не произошло – затишье. Подойти к д. Костюхновка нельзя, т. к. обстреливает артиллерия пр-ка отдельных людей. Есть потери; один гусар ранен, другой убит. Наблюдаю.
Поручик Новиков».

Донесение отправили в штаб полка с одним из рядовых. Тот уполз, не замеченный противником.

Космин, одев пенсне, работал с картой поручика, нанося на ней позицию австрийцев, их батарею, пулеметные гнезда, деревню, рощи. Затем, ориентируясь по солнцу, изобразил стрелку компаса острием на север. То же самое скопировал и на своей карте для капитана Горста.

– Неплохо. Обозначения аккуратные и точные. Хорошо чертите, Космин, – похвалил Новиков.

– Реальное училище и унтер-офицерская школа, господин поручик, – отвечал Кирилл.

Ночью разведчики оставили рощу и вернулись на позиции полка, неся на руках убитого и раненого гусар. Уже в деревне нашли самогон и крепко выпили.

А рано утром, полупьяный, небритый, посеревший лицом унтер-офицер Космин в измазанных офицерских сапогах, в грязной шинели, с винтовкой за плечом и с офицерским планшетом в руках, испачканных человеческой кровью, предстал перед капитаном Горстом.

– Вы ранены? – с тревогой спросил он, увидев унтера.

– Никак нет, это не моя кровь. В разведке ранен один из гусар.

– Что имеете доложить?

– Позвольте к столу, господин капитан?

– Окажите милость.

По тому, как Космин обстоятельно излагал разведданные, вписанные в офицерскую книжку, по тому, как представил карту с нанесенными на ней позициями противника, капитан понял, что из унтера скоро выйдет дельный офицер. Слушал около получаса, задавал вопросы. В конце разговора понял, что ему теперь ясно, какую роль сыграет и какое место займет его батарея в грядущем наступлении. Когда унтер закончил, Горст помолчал немного, думая про себя: «Вот теперь пора начинать, а то они могут сменить арtpозицию».

Затем произнес вслух:

– Благодарю за службу! Подаю рапорт о вашем награждении, господин унтер-офицер!

– Рад стараться, господин капитан.

– Ступайте, Космин, отдыхайте и приведите себя в порядок. И старайтесь более не пить с гусарами, тем более с разведчиками. Набрали же в этот гусарский полк сорвиголов! А нашим офицерам в артиллерии нужно иметь холодную, расчетливую и трезвую голову!

А Космин, отдав честь, щелкнув каблуками, развернувшись и уходя, про себя подумал: «Да, еще бы не мешало не такую русскую, как моя, а такую немецкую, как ваша, господин капитан. Тогда бы вообще с немцами да австрийцами воевать не пришлось».

* * *

Телефонограмма № 6. 1916 г. 26 мая. 18 час. 45 мин. Генералу Рербергу.

Разведка выяснила, что противником заняты высоты 83,0, что к северу от дер. Оптово, склоны гребня 84,0, к югу от дер. Оптово. Путь от дер. Оптово непроходим для кавалерии ввиду сильных болот. Деревня занята противником. Окопы противника идут по хребту от высоты 91,6 вдоль дороги Костюхновка – Медвежье. Около 5 пулеметных гнезд. Вперед вынесены небольшие окопы со стрелками по 6-7 человек. Близ дер. Костюхновка арт. батарея противника из 6 орудий. Передал 7-го гусарского поручик Изюмов.

* * *

На рассвете 3 июня все орудия 11-й армии загрохотали по линии фронта. 1-я батарея конно-артиллерийского дивизиона 7-й кавалерийской дивизии была еще ночью скрытно развернута на высоте 75,6 у болота. Капитан Горст приказал выставить охранение на подступах к батарее. А на западном склоне высоты уместилось пулеметное гнездо. Уже до восхода солнца все артиллерийские расчеты были на ногах у своих орудий. Снарядные ящики аккуратно сложили в отрытых окопчиках и укрыли досками и ветками. Орудийные передки откатали в тыл подальше от орудий. У каждого орудия было лишь по восемь снарядов. Коновязь для лошадей была устроена под восточным склоном холма у болота. Наводчики еще в утренних сумерках навели стволы пушек на позиции противника, протянутые вдоль дороги по гребню хребта, берущего начало у высоты 91, 6. Космин находился при капитане Горсте, который в бинокль рассматривал деревню и австрийские позиции. Он раз от разу то расспрашивал унтера о противнике и передавал ему оптику для осмотра, то внимательно изучал карту.

А в низине левее болота были сосредоточены основные силы 7-го гусарского Белорусского полка. Четыре эскадрона – 700 сабель, готовых к атаке, готовых сечь, колоть и стрелять врага, – 700 сердец, готовых драться, бьющихся в унисон, – 700 человек, готовых принять смерть, но надеющихся выжить.

И слева, и справа, и впереди грохотало, ревело, свистело, рвалось. Снаряды русских орудий распахивали австрийские окопы, кромсая, смешивая австрийских солдат и их оружие с землей. Молчала лишь 1-я батарея, выдвинутая на самый передний край линии фронта. Кирилл крутился у артиллерийской буссоли и все прикидывал, как наводятся орудия. Горст все чаще заглядывал в стереотрубу и, хоть не подавал вида, но волновался. Космин догады-

вался, что Горст имеет особый приказ не открывать батарею до времени, а потом поддержать огнем своих орудий 7-й гусарский полк, обреченный прорвать вражескую оборону и открыть 7-й кавалерийской дивизии коридор, ведущий в тылы и на фланги австрийских войск. Получив бинокль из рук капитана, Космин направил его на деревню Костюхновку. Фонтаны огня и земли, пыль и дым застилали ранее тихую украинскую деревушку с белыми, крытыми соломой хатами. Что-то горело там, источая черно-рыжие клубы дыма. Иногда в объективе мелькали серые фигурки людей. Австрийцы, судя по всему, не отвечали на огонь русской артиллерии.

Наступило утро, взошло яркое солнце и ослепило людей. Утренний ветерок погнал по воздуху тополиный пух. Пахло клейкой молодой листвой. Кирилл навел бинокль левее, туда, где в низине за болотом был сосредоточен гусарский полк. Мириады пушинок словно пронизывали воздушное пространство округи. Он почти не видел людей, ибо они были скрыты свежей зеленью кустарника и рельефом местности. Лишь изредка его близорукие, вооруженные оптикой глаза выхватывали среди зарослей то кавалерийскую фуражку, то лошадиную голову, то серую шинель. Пытаясь рассмотреть людей, он понимал, что там сейчас среди большой массы кавалеристов находятся уже знакомые ему люди, с которыми он успел подружиться или почувствовать себя своим. Где-то среди них был корнет Леша Пазухин, поручик Валентин Николаевич Новиков, старший унтер Калиник. И все они сейчас должны были тронуть коней и ринуться туда, где их встретит и будет косить, рвать, кромсать ливень свинца и стальных осколков.

«Потом же, если они останутся целы, то прорвут линию вражеской обороны и...» – думал с трепетом Кирилл.

Близ места расположения полка протрещал телефонный аппарат. Штабной адъютант поднял трубку, представился. А в трубке злой голос хрипло проорал:

– Почему полк до сих пор не оставил позиций?! ...вашу мать! Погоны снять с вас, сукиных детей? Вперед! Атаковать немедленно!

Адъютант махнул рукой командиру полка.

– По-олк! Слу-ушай меня! – гаркнул во всю силу своих легких полковник Серебренников. Прокашлялся, сплюнул.

Шальная шрапнель разорвалась метрах в ста от расположения полка. С воем разлетелись осколки.

– Гусары! Послужим Господу Богу, царю и Отечеству! Шашки наа-голо! Коней наметом! – вновь выкрикнул полковник, выпрастывая дорогой клинок-гурду, травленный по голоменям и тускло высвечивающий сталью.

Звон и посвист кованого точеного металла, выходящего на свет Божий, чтобы калечить и убивать.

– За мной, лавой марш! Марш! Марш! – грозно и зычно призвал полковник, ловко хлопнув плетью и ожарив холеного жеребца.

Конь рванулся с места в карьер. Гусары, все как один, тронули и пустили коней.

Через три минуты Кирилл увидел в бинокль, как сотни всадников влетели на холм, с которого вся эта лава покатила на правый фланг австрийских позиций, протянутых по гребню холмов от высоты 91,6.

Гром русских орудий смолк, но грозно зарокотали австрийские пулеметы: «Трр-та-та! Трр-та-та!».

До батареи донеслось далекое, перекрывающее пулеметный лай русское «Ур-раа-а!».

Ржание коней. Затем вспышки орудийных залпов, сверкнувших со стороны деревни Костюхновка. Разрывы снарядов накрыли склон высоты 91,6. Кавалерийскую лаву заволочло дымом, пылью и гарью.

– Вот она, голубушка! Их батарея! Молодец, Космин, точно на карте указал! – прокричал унтеру на ухо капитан.

– Всем орудийным расчетам! Слушай мой приказ! Заряжай гранатой! Наводи левее деревни! По батарее противника! Наводчикам прицел 25! – командовал Горст, всматриваясь в полевую карту.

Затем подождал минуту, пока его приказ не будет выполнен.

– Беглым огнем! Пли! – скомандовал и сглотнул, сдавливая воздух в горле.

Земля под ногами вздрогнула. Орудия откатились. Высоту, на которой располагалась батарея, заволокло дымом и пороховыми газами. Уши заложило. Космин сглотнул несколько раз. Залпы орудий следовали один за другим и превратились в сплошной гул и грохот.

– Жарим почти прямой наводкой! Скорострельные 107-миллиметровые неплохо бьют! Жаль, снарядов мало! – с чувством сожаления прокричал унтеру прапорщик Власьев, всматриваясь туда, где располагалась австрийская батарея.

– Похоже, накрыли мы их батарею, господа! – громко оповестил Горст минут через десять, почти не отрывая глаз от бинокля.

– Да и они наших гусар потрепали, – произнес Космин, пытаясь рассмотреть в оптику гусарский полк, утонувший в дыму и пыли.

– Коли наши гусары на их пулеметы не напоролись, то теперь, батенька, ищите ветра в поле. Теперь гусарская сабля по их тылам гуляет, – наставнически и с удовольствием произнес прапорщик.

Прошло еще минут пять...

– Наво-одчики! Слушай! Наводи по позициям противника у высоты 91,6, – прокричал Горст. – Гранатой, по окопам и пулеметным гнездам! Прицельно! Пли!

Орудия вновь изрыгнули огонь, дрогнула земля под ногами. Потянул теплый восточный ветер, снося пыль и гарь. Космин, посмотрев в бинокль, увидел, что полк понес немалые потери, ибо подходы к австрийским позициям на высоте были покрыты десятками павших людей и коней. Видно было, что отдельные австрийцы еще держались в окопах, отстреливаясь из винтовок. Рокотал и один из их пулеметов на дальней высоте. Но гусарский полк уже прошелся по вражеским позициям, опрокинул и погнал противника на запад. Далее все, что творилось на склоне, вновь заволокло пылью и дымом.

Орудийные раскаты и лай пулеметов еще долго и грозно грохотали и будоражили округу. Дальние шальные пули и осколки визжали и секли воздух. Но люди из орудийных расчетов 1-й конно-артиллерийской батареи, казалось, и не замечали их. По батарее явно вело огонь какое-то уцелевшее австрийское орудие с позиций у деревни. Снаряды ложились по склону близ батареи. Верно, орудийный расчет и кто-то из австрийских офицеров остался жив, не отступил и хоть как-то пытался исправить положение.

«Иш-шш, иш-шш!» – пели в воздухе осколки.

«Сш-шу, сш-шу!» – визжали пули.

Нервы у Космина были на пределе. Он боялся смерти, но не подавал виду, держа себя в руках. Под левой коленкой трясло, кисти рук слегка дрожали, под ложечкой ныло и сосало. При мысли, что сейчас его может изуродовать или лишить жизни исковерканный кусок нелепо летящего с бешеной скоростью металла, Кирилла лихорадило. Более всего он боялся, что его может ударить в голову.

«Каково же там гусарам в атаке, под ливнем пуль и осколков?» – спрашивал себя молодой человек.

Превозмогая эти мысли и чувства, унтер наблюдал за ходом боя в бинокль, помогал Горсту читать карту и корректировать огонь орудий.

Вскоре на батарею прискакал гусар-вестовой и сообщил, что австрийцы выбиты из всех окрестных деревень, оставили свои позиции и откатились на 5-6 верст к западу. Орудийный

огонь стал более редким. Трещал телефонный аппарат, подъезжали вестовые от начальства. Капитан Горст выслушивал новые приказы, велел развернуть орудия западнее и бить навесным огнем почти на предельной дальности. В пороховом дыму, чаду и пыли, пливших перед взором, разъедавших слизистую глаз, носа, забивавших рот и легкие, время шло быстро, часы сменяли один другой. Космин уже с утра потерял счет времени. Лишь когда солнце покатилося на запад, унтер понял, что скоро свечерее. Медленно стихал и бой. Австрийское орудие замолчало.

«Вероятно, снаряды у них кончились», – подумал унтер.

Деревня и позиции австрийцев, которые они обстреливали утром, еще курились дымом. Батарея уже давно перенесла огонь куда-то далеко северо-западнее и била по отступавшим частям противника.

Артиллеристы, покрытые пылью, пороховой копотью, устало возились возле пушек, закуривали. Нервное напряжение, в котором люди пребывали весь день, спадало. Посыпались первые шутки, кто-то засмеялся.

– А шо, Юхименко, ты ж хотел до витру? – спросил, затягиваясь махорочным дымом, немолодой артиллерист-хохол молодого солдата-заряжающего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.